

КИСЛИЦЫН Сергей Алексеевич
Южно-Российский институт управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ
г. Ростов-на-Дону, Россия
kislizins@yandex.ru

Sergey A. KISLITSYN
South-Russian Institute of Management of
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Rostov-on-Don, Russia
kislizins@yandex.ru

**ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917
ГОДА: ПРОБЛЕМА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ [1]**

**THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917:
PROBLEM OF GEOPOLITICAL AND
CIVILIZATIONAL IDENTITY [1]**

В гражданском обществе современной России распространены нигилистические оценки значения Великой российской революции, особенно октябрьских событий. На наш взгляд, не следует отказываться от этого термина, так как термин «великая» означает в первую очередь не одобрение, а констатацию ее особого исторического значения для всего мира. В исторической политологии Российской революции 1917 г. рассматривается как непрерывный противоречивый процесс появления и развития принципиально новых политических институтов и партий, правовых норм и социальных отношений. Февральский переворот в Петрограде и образование Временного правительства были всего лишь началом, за которым последовали апрельский, июньский и июльский кризисы, корниловский мятеж в августе, большевизация Петроградского гарнизона, флота и Советов, наконец арест Временного правительства и «технологический» переход власти ко Второму съезду Советов во главе с большевиками в октябре. Одним из ряда аргументов в пользу этой концепции является, на наш взгляд, приводимая в статье позиция донского казачества в этот период. Помимо объективных социально-экономических и военных составляющих революции, имелся мощный геополитический и цивилизационный факторы. Евразийское направление в эмиграции 1920-х годов видело в русской революции не просто анти-февральский термидор, а отрицание всего петербургско-европейского периода отечественной истории. В такой интерпретации большевизм представлял как не осознающее смысл своей исторической миссии движение «консервативной евроазиатской революции». В этом цивилизационно-геополитическом понимании сущности Российской революции содержалось значительное рациональное зерно. Российская революция прямо и непосредственно разбудила Азию и, прежде всего, полуколониальный многомиллионный Китай, который в 1920-1930-х годах вступил в периоды народно-демократической, социалистической революций и двух гражданских войн, а в 1949 г. с помощью СССР установил новый коммунистический режим. Это была не просто социальная, а цивилизационно-геополитическая революция. Революция 1917 г. дала импульс развития советской субцивилизации, азиатский вектор «мировой революции» привел к великому успеху КНР. Продолжением осмысления этого процесса стала задача возрождения на базе России с ее традиционным «квазиимперским» духом геополитического и цивилизационного единства в форме Евразийского Союза.

Nihilistic assessments of the Great Russian Revolution, especially the events of October, are widespread in the civil society of modern Russia. In our view, this term should not be abandoned, since the term "Great" means, first of all, not approval, but a statement of its special historical significance for the whole world. In historical political science, the Russian revolution of 1917 has long been regarded as a continuous contradictory process of emergence and development of fundamentally new political institutions and parties, legal norms and social relations. The February revolution in Petrograd and the formation of the Provisional government were only the beginning, followed by the April, June and July crises, the Kornilov rebellion in August, the Bolshevikization of the Petrograd garrison, Navy and Soviets, the arrest of the Provisional government and the "technological" transition of power to the second Congress of Soviets led by the Bolsheviks in October. One of a number of arguments in favor of this concept is, in our opinion, the position of the don Cossacks in this period given in the article. In addition to the objective socio-economic and military components of the revolution, there were powerful geopolitical and civilizational factors. The Eurasian trend in the emigration of the 1920s, seen in the Russian revolution, not just anti-february Thermidor, and the denial of the St. Petersburg European period of Russian history. In this interpretation, Bolshevism was presented as a movement of the "conservative Eurasian revolution" that did not realize the meaning of its historical mission. This civilizational-geopolitical understanding of the essence of the Russian revolution contained a significant rational grain. The Russian revolution directly and immediately woke Asia and, above all, a multi-million-dollar semi-colonial China of the 1920s-1930s came during periods of national democratic and the socialist revolutions and two civil wars, and in 1949 by the Soviet Union installed a new Communist regime. It was not easy social, but civilizational-geopolitical revolution. The revolution of 1917 gave impetus to the development of Soviet subcivilization, the Asian vector of the "World revolution" led to the great success of the PRC. The task of revival on the basis of Russia with its traditional "quasi-Imperial" spirit of geopolitical and civilizational unity in the form of the Eurasian Union became continuation of comprehension of this process.

Ключевые слова: историческая политология, геополитика, цивилизационный подход, российская революция 1917 года

Keyword: historical political science, geopolitics, civilizational approach, Russian revolution of 1917

В новой России не сложилось устоявшегося общепризнанного отношения к революционному процессу 1917 г. В гражданском обществе продолжают ожесточенные дискуссии о поворотных этапах и событиях, месте в них классов и сословий, роли личности вождя российской революции и других деятелей. Разброс мнений чрезвычайно широк. Социологические опросы показывают, что у российской молодежи и/или у людей с высоким уровнем образования мнение о негативных последствиях революции встречается примерно в два раза чаще, чем у лиц из старшей возрастной группы и/или с образованием ниже среднего [2]. Еще более существенно оценка революции зависит от политических предпочтений россиян. КПРФ, исходя из формационной марксистской теории и своей программы, оценивает социалистическую революцию абсолютно позитивно, партия В. Жириновского (ЛДПР) - сугубо негативно. Лидер партии «Справедливая Россия» С. Миронов обоснованно подчеркивает ее социально-справедливый характер, обращая внимание на то, что революция не была социалистической даже в период Октября, потому что подлинный социализм без демократии невозможен [3].

Общая концепция постсоветского отношения к революции со стороны проправительственной («квазиправляющей») партии «Единая Россия» сводится к следующему тезису. Надо отделить пафос большевиков, решивших сделать Россию факелом мировой революции, от близкой нам философии послевоенного СССР. Российская власть напрямую не наследует ни коммунистическим вождям, ни самодержцам, ее симпатии отданы отдельным правителям, укрепившим государство и не допустившим бунтов и революций. В рекомендациях партии по празднованию 100-летия революции указывается, что всестороннее и объективное ее изучение помогает осознать трагичность раскола общества на противоборствующие стороны, понять важность для России функционирования сильной государственной власти, поддерживаемой всеми слоями населения страны. Подчеркивается, что изучение истории революции не утратило своей актуальности и в наши дни, ибо сейчас оно непосредственно связано с решением одной из самых острых проблем современности - проблемы войны и мира [4]. Как бы то ни было, в настоящее время 7 ноября является памятной датой России. Она отмечается в соответствии с Федеральным законом N 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13 марта 1995 г.

К сожалению, сейчас в гражданском обществе распространены нигилистические, мягко говоря, ненаучные оценки Великой революции. Налицо то попытки схематичного изложения, почерпнутого из сталинского «краткого курса» истории ВКП(б), то попытки рассказать о международной «закулисе», о глобальном «жидомасонском» заговоре, о большевиках-агентах германского генштаба, то представления о какой-то роковой случайности в благополучной стране, то заявления о цивилизационном регрессе... Какова же идентичность Российской революции, по крайней мере, по мнению историков? Изложим в дискуссионном плане несколько позиций, которые нам представляются важными и интересными.

Прежде всего, отметим, что случайных революций не бывает в принципе, и не только в благополучных странах. Западные мыслители (например А. де Токвиль) задолго до К. Маркса в начале XIX в. отмечали, что бывают такие периоды в истории стран, когда бурлящее недовольство существующими порядками охватывает все слои населения и общественное устройство терпит крах, и в итоге к власти приходят деклассированные элементы. В процессе революций формировались новые политические организации, реформировались старые государства и даже обновился европейский миропорядок. В современной общественной науке принято считать, что революции происходят там и тогда, где и когда общество качественно и своевременно не реформируется в русле объективного направления исторической эволюции [5]. Если правящая элита отказывается от реформ, ее сметают, и назревшие реформы проводятся социальными маргиналами экстре-

мистскими методами. Но, хотя революция является кровопролитным средством решения проблем в сравнении с эволюционными социальными реформами, она позволяет предотвратить крах этноса, государства и даже локальной цивилизации. Революция - это очередное порождение «мирового духа» по Г. Гегелю, «локомотив истории» по К. Марксу, «варварская форма прогресса» по Ж. Жоресу, естественноисторический ускоритель общественного прогресса по В. Ленину и т.д.

Существует общепринятая в Европе точка зрения о самой Великой французской буржуазной революции, которая сыграла решающую роль в переходе к новым капиталистическим отношениям в мире. Французы всенародно празднуют 14 июля - день Великой французской революции, хотя в ней погибло 25% населения, были публично казнены король и королева. И никто не канонизирует несчастных королевских особ.

В СССР была развита апологетическая точка зрения о большевистской Великой Октябрьской социалистической революции, ведущая начало еще с довоенных времен. В советской литературе утверждалось, что произошла именно социалистическая революция, которая, в отличие от буржуазной Февральской революции, изменила не только Россию, но весь мир, изменила всю историю человеческой цивилизации, по крайней мере, в первой половине XX в. В этом утверждении есть своя правда. Это очень большой ценой завоеванная свобода для всех этносов Российской империи, социальное равенство для трудящихся, это была действительно *Великая* революция. Не следует отказываться от этого термина, так как термин «великая» означает не только одобрение, а констатацию ее особого исторического значения для мира. И, заметим, что харизматический вождь революции В.И. Ленин являлся не только политическим гением, но совершенно уникальной личностью мирового масштаба, что объясняет появление новых книг, фильмов, дискуссии в обществе, которые идут по поводу сохранения его имени и Мавзолея [6]. Если бы В.И. Ленин не был легендарным лидером, его Мавзолей давно бы снесли, а тело поместили где-нибудь на окраинном кладбище сразу после либеральной буржуазной контрреволюции и последовавшего квазибольшевистского танкового расстрела здания Верховного Совета РСФСР в октябре 1993 г. [7]. Позднее президент РФ В.В. Путин сформулировал оригинальный тезис: «Смотрите, Ленина положили в Мавзолей. Чем это отличается от мощей святых? Для православных, да просто для христиан? Когда мне говорят: в христианском мире нет такой традиции, как же нет? На Афон поезжайте, посмотрите. Там мощи святые есть, да и у нас здесь [на Валааме] тоже святые мощи Сергия и Германа. <...> По сути ничего нового тогдашняя власть не придумала. Она просто приспособила под свою идеологию то, что человечество давно уже изобрело» [8].

В исторической политологии Великая российская революция 1917 г. рассматривается как непрерывный противоречивый процесс появления и развития новых политических институтов и партий, новых правовых норм и социальных отношений [9]. Это последовательный восходящий процесс борьбы различных политических сил, партий и движений за претворение в жизнь своих программ в течение 1917 года. Февральский переворот и образование Временного правительства были всего лишь началом, за которым последовали апрельский, июньский и июльский кризисы, корниловский мятеж, большевизация Петроградского гарнизона и Советов и наконец заключительный «технологический» переход власти от Временного правительства ко Второму съезду Советов во главе с большевиками в октябре. Петербургский историк Б.А. Исаев считает, что «великая русская революция» может быть представлена в широком плане как непрерывный процесс смен политических систем и режимов, который, по его мнению, продолжался от «кровавого воскресенья» и издания Манифеста 1905 г. до отстранения от власти КПСС в 1991 г. и принятия Конституции в декабре 1993 г. [10]. Но это слишком глобальный подход, который нивелирует другие эпохальные события в СССР и Европе этого времени, прежде всего Великую Отечественную войну. Более конкретная точка зрения включает в Революцию всю гражданскую войну. Но это тоже расширительный подход, поскольку гражданская война началась в основном после так называемого «триумфального шествия советской власти» осени 1917 - весны 1918 г., когда советская власть победила практически

во всех регионах страны без широкомасштабных военных действий, и только затем развернулась гражданская война. В современной историографии все большее распространение получает точка зрения о том, что Февральские и Октябрьские события были основными этапами Великой российской революции 1917 г., а не самостоятельными революциями, как утверждали сталинские идеологи. Сами лидеры большевиков отмечали спустя буквально несколько лет, что «Октябрьский переворот» и декреты, принятые большевиками в первые четыре месяца после прихода к власти, были лишь завершением буржуазно-демократической революции, осуществлением того, за что восставший народ боролся в феврале. Впоследствии об этом же писали современные ученые В. Булдаков, Б. Кагарлицкий, Г. Иоффе, Б. Земцов, И. Фроянов, П. Волобуев, В. Дмитренко, Ю. Поляков и др. В 1917 г. произошла «историческая встреча разных революционных потоков». В.П. Булдаков, С.В. Кулешов, В.В. Шелохаев, В.П. Дмитренко, А.Н. Боханов и др. сформулировали идею, согласно которой в период 1917 - начала 1918 г. в России произошла серия революций: общенациональная, солдатская, крестьянская, в чем-то пролетарская, - объединенных главной смысловой доминантой происходившего крушения империи [11]. Значительная часть исследователей полагают, что это, прежде всего, был социальный взрыв, вызванный тяготами войны и непопулярностью правительства, усугубившего трагедию недореформированной России. Эту позицию высказал лидер кадетской партии, историк П.Н. Милюков, считавший, что в данной революции, помимо последствий неумелого ведения войны, слились вместе «слабость русской государственности», «примитивность русской социальной структуры», а также «максимализм» русской интеллигенции.

Формирование антиправительственной оппозиции на рубеже 1916-1917 гг. проходило в русле неуклонно развивающегося антимонархического движения, охватившего так называемые «думские» слои общества. Все этапы российской революции имели свои имманентные причины: самобытный анархизм масс, удерживаемых режимом насилия в состоянии пассивного подчинения; упадок правящего класса, осужденного историей на гибель, но надеявшегося на спасение с помощью разлагавшегося самодержавия; максимализм революционной интеллигенции, склонной к утопическим решениям и не имевшей управленческого опыта; психологические особенности национального генотипа, склонного к замедленной реакции на внешние раздражители, а потому конденсирующего в себе взрывоопасный заряд психоментальной энергии, прорывающийся в виде революционных взрывов; сепаратистские устремления национальных элит [12]. В целом революция носила общедемократический характер до тех пор, пока в конце весны - начале лета 1918 г. не началась радикализация политического процесса и собственно широкомасштабная гражданская война «белых окраин» с «красным Центром» России.

Одним из ряда аргументов в пользу этой концепции является, на наш взгляд, позиция донского казачества. Февральскую революцию казаки в Петрограде восприняли с пониманием, одобряя ее завоевания. На всех последующих этапах революции 1917 г. от Февраля к Октябрю донское казачество в силу объективных причин проявляло значительные колебания по вопросу определения своей политической позиции, вплоть до саботажа и даже частичного отказа в поддержке Временного правительства в Октябре. Это свидетельствует об определенном стихийном понимании казачеством, прежде всего фронтовым, общего хода развития событий и, на наш взгляд, о целостности и внутреннем единстве революционного процесса 1917 г. Октябрь с новой силой вовлек донское казачество в водоворот революционных событий. Казачество, как специфическая часть российского крестьянства, было недовольно такими пережитками феодализма, как сословные повинности, обременительная военная служба и сборы на нее за свой счет. Это во многом послужило причиной того, что в рамках октябрьского этапа революции трудовое казачество колебалось или даже прямо отказывало в поддержке врагам советской власти. С другой стороны, слоям казачества, которые реально пользовались привилегиями, приходилось сталкиваться с массами неказачьего населения области, преимущественно малоземельного или безземельного, которое требовало коренных буржуазно-демократических преобразований и уравнительного передела земли. Из-за социального

расслоения внутри себя казачество не было едино в борьбе за сохранение прежней системы землепользования и землевладения. Большая часть казачьей молодежи также выступала за частичные изменения этой системы. Кроме того, существовал конфликт между различными казачьими районами из-за неравной наделенности землей. Социально-классовая борьба в среде казачества протекала далеко не так явственно, как среди основного сельского населения страны. Как показали А.И. Козлов, А.В. Венков, В.П. Трут и др. историки казачества, казачья беднота была относительно немногочисленна и едва составляла четвертую часть этого сословия на Дону. В целом же классовая война на Дону из-за особенностей исторического развития приобрела сословную окраску и особую остроту. Тем не менее в Области войска Донского - контрреволюционной «Донской Вандеи» - большевики в марте-апреле 1918 г. вместе с фронтовым казачеством создали казачье-крестьянскую «Донскую Советскую Республику». Но в ходе гражданской войны большинство казачьих полков после некоторых колебаний поддержали белое контрреволюционное движение и «белый террор», на что большевики вынужденно ответили террором в форме «расказачивания» [13].

Общеизвестно, что имелись объективные социально-экономические предпосылки Российской революции. Но хотелось бы подчеркнуть, что имелся и мощный геополитический фактор. Идеи, во имя которых была совершена революция, «бродили по всей Европе» в течение целого ряда предшествующих веков, начиная с Т. Кампанеллы и заканчивая французскими революциями XIX в. Социальные потрясения в России не были локальными событиями, а являлись частью мирового глобального процесса, особенно в Азии. В начале XX в. революции и революционные выступления разных масштабов происходили в Китае, Мексике, Индии, Турции и других странах. Многие неевропейские страны оказывались перед историческим выбором: либо превратиться в колонии мировых жав - США, Великобритании, Франции, либо свергнуть их диктат и реализовать собственные национальные модернизационные проекты.

В силу поражения в Первой мировой войне и других объективных причин российская имперская государственность в 1917 г. практически распалась. Временное правительство оказалось несостоятельным, а кадетско-октябристская московско-петербургская элита, в том числе либеральная интеллигенция, оказалась неспособна высококвалифицированно управлять ни государством, ни экономикой, ни обществом, вообще ничем. Следует подчеркнуть, что инициированная Временным правительством Чрезвычайная следственная комиссия подготавливала судебный процесс о государственной измене Николая II и готовила над ним судебный процесс. В это время в стране буржуазно-демократическим Временным правительством была развязана волна репрессий против лидеров право-монархического движения, о чем на современном этапе развития историографии мало кто вспоминает. Под арестом были деятели право-монархического направления А.И. Дубровин, Н.М. Юскевич, Красовский, Н.Н. Тиханович-Савицкий, И.Г. Щегловитов, Н.А. Маклаков и др. Бывший император и царская семья были отправлены либералами в Екатеринбург, где их спустя год уничтожили местные экстремисты из числа большевиков.

Монархия пала, но заложенный в сердцах крестьянства ментальный монархизм не исчез. Существует точка зрения, что народный монархизм на подсознательном психоментальном уровне трансформировался в авторитарный большевизм. Он сумел стать над Советами рабочих крестьянских и солдатских депутатов, которые стали единственной легитимной представительной властью, реально представляющей социальные низы. Именно большевики удалили либерально-кадетскую, затем и меньшевистско-эсеровскую административно-политическую верхушку государства за профнепригодность и сформировали новую большевистскую элиту, которая продолжала параллельно эксплуатировать идеологию эгалитаризма [14]. Интересно мнение монархиста В.В. Шульгина по осмыслению Октябрьской революции. Встав на позиции национал-большевизма (по мнению Агурского), он отмечал, что большевики, придя к власти, восстанавливают военное могущество России, восстанавливают границы российской державы до ее естественных

пределов, подготавливают пришествие самодержца всероссийского. В последующем многие авторы, прежде всего из так называемого евразийского направления в эмиграции 1920-х годов, видели в русской революции не просто антифевральский термидор, а отрицание всего петербургско-европейского периода отечественной истории. Они считали большевистский строй «государственным перерождением Евразии, вызванный кризисом европейской культуры в России» (Л.П. Карсавин), «автократическим проектом России-Евразии» (П. Савицкий) [15]. В такой интерпретации большевизм представал как не осознающее смысл своей исторической миссии движение «консервативной евроазиатской революции». Советская государственность ими интерпретировалась как временная форма евразийской имперской государственности, которая со временем освободится от большевизма и начнет победоносное развитие [16]. На наш взгляд, в этом цивилизационно-геополитическом понимании Российской революции содержалось значительное рациональное зерно.

Как известно, европейский вектор Российской революции начался, но не задался. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии свергла кайзера и в начале 1919 г. началось трагическое противостояние между революционерами и правительством, закончившееся убийством К. Либкнехта и Р. Люксембург. В феврале-апреле 1919 г. в Баварии существовала Советская республика. В марте 1919 г. в Будапеште была провозглашена Венгерская Советская Республика, которую ликвидировали войска Румынии и Чехословакии. В июне 1919 г. после вступления в Словакию войск венгерской Красной армии там была провозглашена Советская республика. Высокого уровня рабочее движение достигло в Нидерландах в дни «красной недели» в ноябре 1918 г., поставив вопрос о переходе власти в руки пролетариата. В стране не сложилась, однако, революционная ситуация, подъем рабочего движения не вылился в массовую забастовочную борьбу, тем не менее правящим классам пришлось пойти на серьезные уступки трудящимся [17]. В 1918 - начале 1920-х годов происходил заметный подъем рабочего движения во многих европейских странах, но он быстро захлебнулся. Сталинский Коминтерн не смог вызвать новую волну восстаний в Европе в довоенный период, но это не означало полную ликвидацию принципов и практик мировой революции.

Российская революция прямо и непосредственно разбудила Азию и, прежде всего, полуколониальный многомиллионный Китай, который в 1920-1930-х годах вступил в период народно-демократической, социалистической революции и гражданских войн, а в 1949 г. с помощью СССР установил новый коммунистический режим. Когда под опосредующим воздействием Великой российской революции 1917 г. была достигнута победа СССР в Великой Отечественной войне, была создана мировая социалистическая система, куда вошел Китай. Рухнула колониальная империалистическая система. Это была не просто социальная, а цивилизационно-геополитическая мировая революция. Именно азиатский вектор «мировой революции» главным образом привел к великому успеху. Пережив период культа личности Мао Цзэдуна, КНР осуществила в рамках конфуцианской цивилизации синтез рыночной экономики и коммунистической системы (в духе ленинского НЭПа) и стала на этой основе одной из самых великих мировых держав, реально конкурирующих с США. И в отличие от России, в КНР отлично помнят и очень высоко ценят российские революционные истоки своих великих побед.

К настоящему времени, обнаруживается все более расширяющийся спектр исследовательских подходов к русской революции (хотя массовые представления, напротив, сужаются). Дж. Биллингтон насчитывал их шесть, П. Дьюкс - девять. Р. Пайпс считал Октябрь 1917 г. победным путчем большевиков, О. Файджес назвал революцию «народной трагедией». У. Розенберг видит «трагедию соперничающих невозможностей», в которой оказались победители и побежденные по причине невозможности одновременного осуществления социальных идеалов различных социальных слоев. Действительно, 1917 г. представил несколько «альтернатив» «сепаратного» преодоления отдельными социальными слоями существующего кризиса. Со временем даже фанатичные сторонники большевистского режима становились для него ненужными. Ленинскую «старую партийную

гвардию» заменила в ходе кадрового террора 1937 г. новая сталинская номенклатура. Многие «творцы Октября», кадры организатора Красной армии Л.Д. Троцкого, интеллектуалы типа Н.И. Бухарина и его «школы молодых профессоров», представители рыковской управленческой школы были не просто расстреляны, а судимы с необыкновенным злорадством и цинизмом [18].

Западные историки подчеркивают, что результат советского эксперимента заключался в возникшем новом противостоянии народа и государства. В очередной раз победила имперская власть, но для этого ей пришлось прибегнуть к противоестественной идейной мимикрии в форме советского народовластия. Краха российской государственности не произошло, царская империя в известной мере сменилась советской империей, монарх стал именоваться генсеком. Сталина именовали исключительно красным «монархом» (в СССР этот социомонархизм получил названия «культ личности»). Однако в реальной действительности также произошло возвышение такой новой политической элиты, историческое предназначение которой заключалось в насильственном форсировании развития России и осуществления кардинального технологического рывка, адекватного вызовам индустриальной эпохи.

Признание последствий революций - репрессии сталинизма, просчеты Н.С. Хрущева, ошибки Л.И. Брежнева, стратегические провалы М.С. Горбачева - совершенно не предполагает, что обновленную историю России следует срочно писать заново [19]. Как справедливо отмечает В.П. Булдаков, в истории ничего не бывает просто так - существует просто проблема неумения прочитать ее уроки и разглядеть ее «высокий» смысл. Поскольку в любом периоде истории присутствует историческая память, она всегда будет воздействовать на настоящее, особенно травмы исторического сознания. Революция и все советское прошлое должны быть соответственно отрефлексированы основными слоями общества, дабы извлечь из него адекватные уроки. Обилие оценок уроков связано с тем, что каждое поколение вольных или невольных «наследников революции» выбирало из него то, что могло принять, разглядеть и освоить в силу своих собственных качеств, способностей и давления исторической памяти [20]. Исследуя психосоциальную динамику революции, он показал, что в ее основе лежали традиционалистские реакции на модернизационные процессы [21]. С этим утверждением можно согласиться, но при обязательном условии учета цивилизационного фактора.

Уникальная самостоятельная Российская Евразийская цивилизация прошла четыре субцивилизационные стадии развития «русского мира» - Киевская Русь, Московская Русь, Имперская Россия, Советская Россия (СССР) [22]. С этой позиции можно увидеть, что революция 1917 г. дала импульс развитию советской субцивилизации, а теперь на ее базе - новой евразийской общности. Иначе говоря, Российская евразийская цивилизация продолжила свой путь в истории в советской форме. Мы солидарны с мнением, что реально возник уникальный евразийский симбиоз исторической имперской авторитарно-самодержавной традиции, революционно-социалистической мифологии и партийно-советской технологии власти. Но на этой основе большевики сформулировали и «предложили человечеству новую философию мироустройства, кардинально иную модель межгосударственных отношений, новую систему международной безопасности, новый смысл жизни, новый архетип человека» [23].

В рамках этого подхода существуют разные подходы, связанные с оценками неудачи этого развития, то есть краха СССР. С. Кара-Мурза в своих книгах о советской цивилизации подчеркивает исключительно позитивный цивилизационный импульс и потенциал Российской революции и последовавшей советской истории [24]. Другие авторы утверждают, что 1917 г. явился апогеем процесса западной модернизации, так как в осуществлении модернизационных трансформаций парадоксальным образом совпадали усилия правительственных кругов и революционного подполья. Но это явление пришлось не на Октябрь, а на Февраль, а дальнейший ход общественного развития определялся уже логикой цивилизационного отторжения и противостояния [25].

По мнению ряда авторов, Российская революция, оказавшая на свой век мощнейшее воздействие, сопоставимое с влиянием Французской революции в XIX в., оказывается, открыла тупиковую ветвь исторического цивилизационного развития. Поэтому основная проблема для стран, пошедших по этому пути, прежде всего России, - возвращение на некую общецивилизационную магистраль. Однако такой подход представляется более чем некорректным, так как «мировая цивилизация» - очень высокая абстракция, фактически игнорирующая факт существования ряда реальных цивилизаций, число которых насчитывает более двух десятков (как минимум восемь, по А. Тойнби) и которые находятся или могут находиться в постоянном «столкновении» (С. Хантингтон). Российская Евразийская цивилизация в ее советской модели, несмотря ни на что, достигла значительных свершений и на современном этапе продолжает свое самостоятельное развитие, наравне с европейской или западноевропейско-американской, латиноамериканской, китайской, индийской, исламской, африканской, японской. Попытки антикоммуниста Б.Н. Ельцина сблизиться с западным миром (ЕС и НАТО) в 1990-х годах были новыми «друзьями-партнерами» отторгнуты. Хотя В.В. Путин тоже отказался от революционных идеалов 1917 г., он тем не менее подчеркнул, что распад СССР - это величайшая геополитическая трагедия. В этой связи В.В. Путин вместе с Н.А. Назарбаевым сформулировал задачу возрождения геополитического евразийского единства на базе России с ее традиционным «квазиимперским» духом. В начале XXI в. возникла обновленная геополитическая, в какой-то мере цивилизационная ситуация, которая позволила начать формирование конфедеративного «Евразийского союза», а также «Евразийского экономического союза», включающего в себя Россию, Казахстан, Белоруссию, Армению, Киргизию. Евразийский вектор развития постсоветского пространства, о чем писали евразийцы в 1920-х годах, вновь четко обозначился и, судя по всему, альтернативы ему нет.

Как бы то ни было, для историков и политологов разных школ очевидно, что в специфически-социалистическом оформлении в России была реализована назревшая радикальная модернизация, в ходе которой аграрная страна стала индустриальной, малограмотное население - образованным, реализована программа социальной защиты, создана система «государственного социализма». Возникшая советская «квазиимперия» стала в 1950-1970-х годах великой победоносной космической сверхдержавой - единственным конкурентом США. Хотя за это была уплачена чрезвычайно тяжелая социально-демографическая цена, следует признать, что в итоге Великой российской революции и последовавшей форсированной модернизации изменилась не только сама Российская евразийская цивилизация - изменился весь мир. Поэтому значение Великой российской революции 1917 г. поистине глобально и неповторимо.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. В статье использованы фрагменты текста: Кислицын С.А. Великая российская революция: проблема исторической идентичности 1917-2017 // Уроки истории. Материалы Областного научно-образовательного форума (Ростов-на-Дону, 25 апреля 2017 года). - Ростов н/Д: ДГТУ, 2017. - С. 31-40.
2. [Электронный ресурс] - URL: <http://www.levada.ru/2005/11/02/otnoshenie-rossiyan-ko-kyabrskoj-revoljutsii-1917-goda/>
3. Выступление Сергея Миронова на конференции «Октябрь 1917. Современное прочтение истории» // [Электронный ресурс] - URL: http://www.spravedlivo.ru/5_45467_1_5.html
4. Праздник наших врагов: как любить власть и отмечать... // [Электронный ресурс] - URL: www.tunnel.ru
5. Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: Курс лекций. В 3-х ч. - СПб.: БГТУ, 2004.; Смолин О. Революция: опыт философского анализа // Альтернативы. - 2016. - № 2.
6. Данилкин Л. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. - М., 2017. - 782 с.

7. Во время парадов 7 ноября и 9 мая Мавзолей нелепо камуфлируют раскрашенной фанерой // [Электронный ресурс] - URL: <http://tass.ru/obschestvo/4872596>
8. Российская историческая политология. М.-Ростов н/Д, 1998.
9. Исаев Б.А. Что означает и для чего нужна концепция «великая русская революция» // Политическая экспертиза. Политэкст. - 2011. - Т. 7, № 4. - С. 232-248.
10. Боханов А.Н., Горинов М.М., Дмитриенко В.П. История России. XX век. - М.: АСТ, 2001.
11. Российская историческая политология. - М.-Ростов н/Д, 1998. - С. 206.
12. Кислицын С.А., Трут В.П. Донское казачество и Великая Российская революция 1917 года (От Февраля к Октябрю) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - Т. 9, № 1-1. - С. 15-22.
13. Кислицын С.А. Советская коммунистическая правящая элита 1917-1991 // Российская историческая политология. - М.-Ростов н/Д, 1998. - С. 138-161.
14. Цит по: Кара-Мурза А.А, Поляков Л.В. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. - СПб., 1999. - С. 96.
15. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. - М., 1993. - С. 85.
16. Бауман Г.Г. Из политической истории Нидерландов. - М.: URSS, 2016. - С. 122-123.
17. Мы это раскрывали подробно. См.: Кислицын С.А. Председатель Совнаркома советской России Сергей Сырцов. - М.: URSS, 2013.
18. Булдаков В.П. Имперство и российская революционность. Критические заметки // Отечественная история. - 1997. - № 1.; Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. - 1996. - № 5; Кулешов С.В. Размышления о революции // Отечественная история. - 1996. - № 5.
19. К неангажированному пониманию Великого Октября. [Электронный ресурс] - URL: www.skurlatov.livejournal.com/1226804.html
20. Булдаков В.П. Красная смута. - М., 2010.
21. С этой точки зрения мы с проф. А.В. Лубским рассматривали историю России в пособии «История России в вопросах и ответах». - Ростов н/Д., 2001.
22. Гаевская И.И., Лаврентьева М.А. К вопросу о международных последствиях Великой Октябрьской революции // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - Т. 9, № 6 (2). - С. 18.
23. Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Т. 1-2. - М., 2001.
24. Багдасарян В.Э. Исторический запрос на «нового Ленина» и современный антиленинизм // [Электронный ресурс] - URL: <http://rusrand.ru/analytics/istoricheskiy-zapros-na-novogo-lenina-i-sovremennyy-antileninizm>

REFERENCES

1. Text fragments are used in the article: Kislitsyn S.A. Velikaya rossiyskaya revolyutsiya: problema istoricheskoy identichnosti 1917-2017. [The Great Russian Revolution: the Problem of Historical Identity 1917-2017]. Uroki istorii. Materialy Oblastnogo nauchno-obrazovatel'nogo foruma = Lessons of History. Materials of the Regional Scientific and Educational Forum. Rostov-on-Don. DGTU. 2017. Pp.31-40. (In Russ.).
2. Available at: <http://www.levada.ru/2005/11/02/otnoshenie-rossiyan-k-oktyabrskoj-revoljutsii-1917-goda/> (In Russ.).
3. Vystupleniye Sergeya Mironova na konferentsii «Oktyabr 1917. Sovremennoye prochteniye istorii» [Speech by Sergei Mironov at the conference "October 1917. Modern reading of history"]. Access Mode: http://www.spravedlivo.ru/5_45467_1_5.html (In Russ.).
4. Prazdnik nashikh vragov: kak lyubit vlast i otmechat... [The Feast of Our Enemies: How to Love Power and Celebrate ...]. Available at: www.tunnel.ru (In Russ.).
5. Baranov N.A. Politicheskiye otnosheniya i politicheskiy protsess v sovremennoy Rossii: Kurs lektsiy. V 3-kh ch. [Political relations and political process in modern Russia: A course of lectures. In 3 hours]. SPb.: BGTU. 2004; Smolin O. Revolyutsiya: opyt filosofskogo analiza. [Revolution: the experience of philosophical analysis]. Alternativy = Alternatives. 2016. No. 2. (In Russ.).

6. Danilkin L. Lenin. Pantokrator solnechnykh pylinok. [Lenin. Pantocrator of solar dust]. Moscow. 2017. 782 p. (In Russ.).
7. Vo vremya paradov 7 noyabrya i 9 maya Mavzoley nelepo kamufliruyut raskrashennoy faneroy. [During the parades on November 7 and May 9, the Mausoleum is ridiculously camouflaged with painted plywood]. Available at: <http://tass.ru/obschestvo/4872596> (In Russ.).
8. Rossiyskaya istoricheskaya politologiya. [Russian historical political science]. Moscow-Rostov-on-Don. 1998. (In Russ.).
9. Isayev B.A. Chto oznachayet i dlya chego nuzhna kontseptsiya «velikaya russkaya revolyutsiya». [What does “the Great Russian revolution” mean and why do we need?]. Politicheskaya ekspertiza. Politekst = Political expertise. Politex. Vol. 7. № 4. 2011. Pp. 232-248. (In Russ.).
10. Bokhanov A.N., Gorinov M.M., Dmitriyenko. Istoriya Rossii. XX vek. [Russian history. XX century]. Moscow. AST. 2001. (In Russ.).
11. Rossiyskaya istoricheskaya politologiya. [Russian historical political science]. Moscow-Rostov-on-Don. 1998. P. 206. (In Russ.).
12. Kislitsyn S.A., Trut V.P. Donskoye kazachestvo i Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya 1917 goda (Ot Fevralya k Oktyabryu. [The Don Cossacks and the Great Russian Revolution of 1917 (From February to October)]. Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. № 1-1. Pp. 15-22. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-15-22 (In Russ.).
13. Kislitsyn S.A. Sovetskaya kommunisticheskaya pravyyashchaya elita 1917-1991. [Soviet Communist ruling elite 1917-1991]. Rossiyskaya istoricheskaya politologiya = Russian historical political science. Moscow-Rostov-on-Don. 1998. Pp.138-161. (In Russ.).
14. Cit. by: Kara-murza A.A., Polyakov L.V. Russkiye o bolshevizme. Opyt analiticheskoy antologii. [The Russians about Bolshevism. Experience of analytical anthology]. SPb. 1999. P.96. (In Russ.).
15. Rossiya mezhdru Evropoy i Aziyey: Evraziyskiy soblazn. Antologiya. [Russia between Europe and Asia: the Eurasian temptation. Anthology]. Moscow. 1993. Pp. 85. (In Russ.).
16. Bauman G.G. Iz politicheskoy istorii Niderlandov [From the political history of the Netherlands]. Moscow. URSS. 2016. Pp.122-123. (In Russ.).
17. We disclosed this in detail - see: Kislitsyn S.A. Predsedatel Sovnarkoma sovetskoy Rossii Sergey Syrtsov [Chairman of the Council of People's Commissars of Soviet Russia Sergei Syrtsov]. Moscow. URSS. 2013. (In Russ.).
18. Buldakov V.P. Imperstvo i rossiyskaya revolyutsionnost. Kriticheskiye zametki. [Imperialism and Russian revolutionary. Critical notes]. Otechestvennaya istoriya = Russian History. 1997. № 1; Volobuyev P.V., Buldakov V.P. Oktyabrskaya revolyutsiya: novyye podkhody k izucheniyu. [October Revolution: New Approaches to Study]. Voprosy istorii = Questions of History. 1996. № 5; Kuleshov S.V. Razmyshleniya o revolyutsii [Reflections on the Revolution]. Otechestvennaya istoriya = Domestic History. 1996. № 5. (In Russ.).
19. K neangazhironnomu ponimaniyu Velikogo Oktyabrya. [To non-partisans understanding of the Great October Revolution]. Available at: www.skurlatov.livejournal.com/1226804.html (In Russ.).
20. Buldakov V.P. Krasnaya smuta. [The Red Troubles]. Moscow. 2010. (In Russ.).
21. From this point of view we with prof. A.V. Lubsky considered the history of Russia in the manual: Istoriya Rossii v voprosakh i otvetakh [History of Russia in questions and answers]. Rostov-on-Don. 2001. (In Russ.).
22. Gayevskaya I.I., Lavrentyeva M.A. K voprosu o mezhdunarodnykh posledstviyakh Velikoy Oktyabrskoy revolyutsii. [On the question of the international consequences of the Great October Revolution]. Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. № 6. Part 2. P. 18. (In Russ.).
23. Kara-Murza S. Sovetskaya tsivilizatsiya. [Soviet Civilization]. Vol. 1-2. Moscow. 2001. (In Russ.).
24. Bagdasaryan V.E. Istoricheskiy zapros na «novogo Lenina» i sovremennyy antileninizm [Historical inquiry on the “new Lenin” and modern anti-Leninism]. Available at: <http://rusrand.ru/analytics/istoricheskiy-zapros-na-novogo-lenina-i-sovremennyy-antileniniz>. (In Russ.).

Информация об авторе:

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Получена: 09.03.2018

Для цитирования: Кислицын С.А. Великая Российская Революция 1917 года: проблема геополитической и цивилизационной идентичности. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2/1 . с.35-45.
DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/1-35-45.

Information about the author:

Sergey A. Kislitsyn, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don, Russia
kislizins@yandex.ru

Received: 09.03.2018

For citation: Kislitsyn S.A. The Great Russian Revolution of 1917: problem of geopolitical and civilizational identity. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.2/1. Pp. 35-45.
DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/1-35-45.
(in Russ)